

Лян Сычжэ казалось, что за последние два года он не был так счастлив. Больше года, пока снимался «Тринадцать дней», он был погружен в гнетущее состояние, и даже спустя несколько месяцев после окончания съёмок не мог выйти из роли. Когда он встречался с Ху Юйсы, его настроение было не таким плохим: она была довольно зрелой и жизнерадостной, всегда старалась его развеселить, но эта радость была мимолетной, как вспышка. В тот момент, когда он получил награду, он, конечно, был рад, но тем вечером Цао Е избегал его, и его радость была неполной.

Но сейчас, сидя с Цао Е на тихой улице, глядя на улицы и переулки, по которым они вместе проходили бесчисленное множество раз, два года назад, он был искренне счастлив. Даже его опьянение было как раз таким, чтобы позволить себе не думать о том, с чем ему придётся столкнуться, когда он протрезвеет.

Только одно омрачало его радость: Цао Е выглядел подавленным. Тот беззаботный юноша, каким он был два года назад, теперь хмурился, словно его что-то тяготило. Лян Сычжэ подумал, что, возможно, слишком явно проявляет свою симпатию, и ему следует быть сдержаннее, чтобы Цао Е чувствовал себя рядом с ним комфортно. Цао Е, вероятно, всё ещё хотел считать его другом, иначе зачем бы он заступился за него?

Лян Сычжэ наклонился и затушил недокуренную сигарету о землю. Выпрямившись, он посмотрел на Цао Е:

— Где ты сегодня остановился?

— Я? — Цао Е, погруженный в раздумья о том, как ему быть дальше, оторвался от своих мыслей. — У друга.

— Может, хочешь сегодня остаться в «Лазурной вечеринке»? — спросил Лян Сычжэ, глядя на него.

Цао Е опешил:

— Там слишком много людей.

— После двух часов народу становится мало, а после трёх «Лазурная вечеринка» словно вымирает. Ты же там жил, помнишь?

— Нет, я не забыл... Можно, — ответил Цао Е. Рядом с Лян Сычжэ он словно вернулся в те времена, когда они жили на улице Иньсы. Сейчас Лян Сычжэ не сотрудничал с Цао Сююанем и Чжэн Инем, и Цао Е подумал, что нет смысла продолжать злиться на него.

В половине третьего ночи они встали со скамейки и свернули в Иньсы. Ночной рынок уже закрылся, но казалось, что шумная атмосфера ещё не до конца рассеялась. Душный, тяжелый воздух не был приятным, но знакомый запах вызывал у Лян Сычжэ чувство комфорта. Он давно не чувствовал себя так расслабленно, ему не нужно было опасаться скрытых камер и папарацци.

В холле «Лазурной вечеринки» горел тусклый свет. За стеклянными дверьми двигались тени — вероятно, уборщики заканчивали свою работу. Они поднялись по ступенькам и вошли внутрь. Уборщик, видимо, новый, наклонился, протирая пол, и, услышав их, поднял голову:

— Мы закрыты, гостей больше не принимаем.

— Хозяйка уже спит? — спросил Лян Сычжэ.

— Она у себя в комнате. Вам что-то нужно? — уборщик посмотрел на Лян Сычжэ, видимо, его лицо показалось ему знакомым.

Хозяйка, услышав шум, выглянула из комнаты:

— Кто там так поздно... — Но, увидев их, удивлённо и радостно воскликнула: — Ой, да это же вы!

Она вышла и, оглядев их с ног до головы, цокнула языком:

— Вымахали-то как! Большая звезда и молодой господин, как же вы поместитесь в мою скромную гостиницу? Вы всё так же дружны, как и раньше. Что привело вас сюда сегодня?

— Просто решили заглянуть, — ответил Лян Сычжэ. — Тётя, номер на третьем этаже свободен?

— Да, свободен. У меня тут мало кто может позволить себе такой большой номер.

— Тогда мы возьмём его, можно? — спросил Лян Сычжэ, глядя на Цао Е.

— Мне всё равно, — ответил Цао Е.

— Конечно, можно! — хозяйка громко крикнула горничной, чтобы та подготовила комнату, велела постелить самое лучшее постельное бельё и положить свежие туалетные принадлежности, а потом, повернувшись к ним, спросила: — А что это вы оба такие тихие стали? — Она была прямолинейной и всегда говорила то, что думала. — Раньше этот большая звезда был молчаливый, а молодой господин такой бойкий. Почему молодой господин Цао Е теперь тоже не разговорчивый?

Цао Е, мучимый раздумьями о том, как все уладить, натянуто улыбнулся:

— Да что вы, тётя.

Хозяйка ещё немного поболтала с ними, а когда номер был готов, повела их наверх:

— Пойдёмте, пойдёмте, всё готово, там всё так, как и раньше.

Она шла впереди. Кажется, за эти два года она немного поправилась и, поднимаясь по лестнице, тяжело дышала. Пройдя по коридору, она открыла дверь и, кивнув в сторону комнаты, сказала:

— Вон, даже кондиционер тот же самый.

Лян Сычжэ вошел и осмотрел комнату. На первый взгляд, ничего не изменилось, но присмотревшись, можно было заметить следы времени. Когда-то ярко-синий новый кондиционер немного выцвел на солнце, белая краска на шкафу пожелтела, но две кровати с белоснежным бельём, одна у окна, другая у стены, оставались прежними.

Хозяйка закрыла за собой дверь, и они остались одни. Не нужно было слов: каждый знал, на какой кровати он будет спать. Цао Е сел и достал телефон. Он думал, не написать ли Линь Яню, чтобы узнать, что делать дальше. Лян Сычжэ сел напротив него и спросил:

— Что случилось? Что-то тебя беспокоит? Расскажи мне.

Цао Е действительно был не в настроении. Он думал о том, как поступить дальше. Беспомощность после его импульсивного поступка все больше раздражала его. Не выдержав, он спросил Лян Сычжэ:

— А фильм... ничего, если ты не будешь в нём сниматься? — задав вопрос, он тут же понял, как глупо это прозвучало. Что мог ему ответить Лян Сычжэ?

К удивлению Цао Е, Лян Сычжэ небрежно ответил:

— Ничего страшного, я и сам уже давно не хотел сниматься в этом фильме.

Цао Е недоверчиво посмотрел на него. Лян Сычжэ говорил очень убедительно:

— Я согласился на эту роль из-за хорошего сценария, но потом у съёмочной группы несколько раз возникали проблемы с финансированием, и сюжет переписывали несколько раз. Он уже почти развалился, так что, возможно, это и к лучшему.

— Правда? — Цао Е начал сомневаться. Он и сам считал, что с такими продюсерами ничего хорошего не выйдет.

— Зачем мне тебя обманывать? — Лян Сычжэ улыбнулся и спросил: — Цао Е, ты уже учишься в университете?

— Да, — ответил Цао Е.

— Дядя Инь говорил, что ты изучаешь кино?

Цао Е снова кивнул.

— Тогда мы действительно сможем поработать вместе в будущем. Интересно ли учиться в университете?

— Нет, ничего особенного, — сказал Цао Е. — Просто... больше свободы.

— Эх, а я так и не поступил в университет, — Лян Сычжэ вздохнул и опустил глаза, словно о чем-то задумавшись. Через некоторое время он спросил: — Наверное, это глупо, да?

Цао Е посмотрел на него. Они встретились взглядами, а потом оба, почему-то, отвернулись и рассмеялись. Цао Е не понимал, чему смеется Лян Сычжэ, но ему показалось забавным, что тот, уже получив награду, всё еще думает об университете. Интересно, что подумают люди, если узнают об этом разговоре... Пока он размышлял, Лян Сычжэ вдруг протянул руку и погладил его по волосам.

— Эй... — Цао Е рефлекторно схватил его за запястье.

— Ой, прости, забыл, что нельзя трогать твою голову, — невинно произнес Лян Сычжэ. — Ты же должен понимать, у пьяных память плохая.

Цао Е убрал руку со своей головы и отпустил его запястье. Он посмотрел на Лян Сычжэ. То ли из-за выпивки, то ли еще почему, но глаза Лян Сычжэ блестели, словно наполненные влагой, его губы были особенно яркими, а всё лицо казалось каким-то... чарующим, словно на него нанесли румяна. Непонятно почему, но Цао Е снова почувствовал раздражение. Лян Сычжэ уже не работал с Цао Сююанем и Чжэн Инем, так почему же он всё ещё раздражал его? Что его так беспокоило? Он злился, но не мог отвести от него взгляда, и это злило его еще сильнее. Внезапно в его голове всплыла картина, которую он видел больше года назад: обнаженные тела Цао Сююаня и Чжэн Иня, переплетённые друг с другом. Его лицо мгновенно изменилось.

— Что случилось? — Лян Сычжэ заметил, что с ним что-то не так.

Цао Е покачал головой и направился в ванную. Его снова начало тошнить. Почему он вдруг вспомнил об этом?

— Ничего, я просто пойду в душ, — сказал Цао Е и быстро зашел в ванную, закрыв за собой дверь. Стоя перед унитазом, он почувствовал, что тошнота отступает. По сравнению с предыдущей сильной реакцией, сейчас ему стало намного лучше.

Лян Сычжэ подвинулся ближе к стене, взял подушку и, подложив её под спину, прислонился к изголовью. Реакция Цао Е была такой, как он и ожидал. Один шаг вперед — Цао Е делал шаг назад. Если надавить слишком сильно, это могло вызвать у него физическое отвращение и неприязнь. Радостное чувство постепенно угасло. Лян Сычжэ трезво подумал, что, возможно, ему не стоит слишком часто видеться с Цао Е. Тот действовал на него как сильный стимулятор: на короткое время он чувствовал себя невероятно счастливым, но затем приходила неизбежная пустота. Когда он не видел Цао Е, он мог спокойно сниматься, жить, встречаться с кем-то. Но стоило ему увидеть Цао Е, как вся его размеренная жизнь вдруг теряла смысл.

Нельзя было позволить себе утонуть в этих чувствах. Нужно продолжать работать, вживаться в роли, занимать себя делами, получить ещё одну награду и доказать всем тем, кто в него не

верил, что они ошибаются. Оправившись от наваждения, Лян Сычжэ начал думать о том, как ему поступить с сегодняшним инцидентом.

Хотя Цао Е заявил, что он не будет сниматься в фильме, но съёмки уже наполовину были завершены, и нельзя было просто так взять и забросить труд всей съёмочной группы. Заместитель режиссера дядя Сюй, оператор Лэй-гэ и сям Вэй из группы реквизиторов всегда хорошо к нему относились, и он знал, сколько сил они вложили в этот фильм. Ему было бы очень неловко, если бы он действительно отказался от роли. К тому же, у него была главная роль в «Зоне карантина». С точки зрения объёма роли, актёрской игры и обсуждения, фильм не мог обойтись без него, поэтому продюсер вряд ли будет разрывать с ним контракт из-за сегодняшнего инцидента.

Но после всего случившегося продюсер наверняка не упустит возможности как-нибудь насолить ему, например, заставит снова составить компанию тому господину Ю... Как же всё это раздражало, почему в этой сфере царит такой хаос? Хорошо, что Цао Е не попал в этот круг... Но тут же Лян Сычжэ одёрнул себя: Цао Е — сын Цао Сююаня, кому хватит смелости заставить его участвовать в подобных мероприятиях? «Ладно, в крайнем случае, я просто извинюсь перед продюсером. Хуа-гэ всегда хорошо ко мне относился и вряд ли станет заставлять меня прыгать в огненную яму», — подумал Лян Сычжэ, закрыв глаза.

Цао Е вышел из ванной. Лян Сычжэ с закрытыми глазами лежал на боку, прислонившись к спинке кровати. Казалось, он спал. Цао Е остановился у кровати, глядя на Лян Сычжэ, и пытался понять, почему же он так раздражен. Внезапно Лян Сычжэ открыл глаза. Сердце Цао Е сильно забилося. Он неловко отвел взгляд и направился к своей кровати:

— Я закончил мыться, твоя очередь.

Лян Сычжэ повернулся и посмотрел на него. Он понял, что, даже зная, что Цао Е его не любит и избегает, он все равно чувствует себя счастливым рядом с ним. Он просто не мог это контролировать. Он едва слышно вздохнул, затем встал и пошел умываться.

Никто из них не поставил будильник, и на следующее утро они проспали до девяти, пока кто-то не начал громко стучать в дверь. Оба одновременно проснулись от крепкого сна и, открыв глаза, посмотрели друг на друга затуманенным взглядом.

— Кто там? — спросил Цао Е охрипшим голосом, приподнимаясь на кровати.

— Это я, — раздался голос хозяйки за дверью. — Большая звезда, ты проснулся? Вставай скорее, почитай газету.

— А, — отозвался Лян Сычжэ, затем медленно сел, протёр глаза, опустил ноги на пол и, шлёпая одноразовыми тапочками, пошел открывать, — какую газету?

— Вот, посмотри... — Хозяйка протянула ему газету, указывая на крупный заголовок. — «Лян Сычжэ устроил драку с продюсером в отеле и заявил об отказе от съёмки в «Зоне карантина».

К статье прилагались две фотографии: одна — размытый кадр с камеры видеонаблюдения, на котором Цао Е, схватив продюсера за воротник, прижимает его к стене, другая — снимок, сделанный на улице перед отелем, где Лян Сычжэ, прикрывает лицо Цао Е рукой.

— Вы... — Хозяйка уже собиралась что-то прокричать своим громогласным голосом, но Лян Сычжэ приложил палец к губам, призывая её к тишине.

Затем он закрыл дверь, отвел хозяйку немного в сторону и, прислонившись к подоконнику, начал читать статью. Хозяйка понизила голос:

— Вы что, влипли в какую-то историю и теперь прячетесь у меня?

— Да, — улыбнулся Лян Сычжэ.

В статье не упоминалась причина конфликта и не было ни слова о Цао Е. Указывалось лишь, что Лян Сычжэ вместе с другом избил продюсера и отказался от съёмки в фильме «Зона карантина», которые были уже наполовину завершены. В качестве причины отказа продюсер назвал «несоответствие условий съёмки требованиям актёра, возможно, из-за нехватки финансирования». Это был худший из возможных сценариев. Прошлой ночью Лян Сычжэ даже

не думал об этом всерьёз. Не то чтобы он не допускал такой возможности, просто ему казалось, что до этого не дойдёт, ведь раньше у него были неплохие отношения с продюсером.

Но продюсер думал иначе. Разглашение этой истории было для него беспроигрышным вариантом. Во-первых, это позволяло загладить вину перед инвестором, которому вчера вечером был дан от ворот поворот. Во-вторых, если репутация Лян Сычжэ пострадает, то какое-то время никто в индустрии не рискнет приглашать его на роли, и ему придется вернуться к съёмкам в этом фильме. В-третьих, если у Лян Сычжэ хватит гордости и он действительно откажется от роли, то это тоже не было проблемой: тройная сумма неустойки позволит съёмочной группе нанять другого актёра за тот же гонорар, и еще останутся средства на съёмки. И самое главное, благодаря этой шумихе, известность и обсуждаемость фильма резко возрастут, и можно будет не беспокоиться о дальнейшей рекламе. Лян Сычжэ вырвал страницу со статьёй, а остальную часть газеты вернул хозяйке.

Кто-то позвал хозяйку снизу, видимо, по какому-то делу. Она попрощалась и спустилась по лестнице. Лян Сычжэ ещё раз перечитал статью, затем разорвал её и выбросил в мусорное ведро. Цао Е, не слыша шума снаружи, решил, что в газете, должно быть, написали о вчерашнем инциденте. Он встал, надел тапочки и, приоткрыв дверь, выглянул:

— Что там в газете?

Разорванные кусочки газеты упали в мусорное ведро. Лян Сычжэ убрал руку и, повернувшись к Цао Е, сказал:

— Ничего особенного, просто какая-то ерунда. — Он подошел, обнял Цао Е за плечи и тут же отпустил. — Поспи еще немного.

Войдя в комнату, Лян Сычжэ взял с кровати телефон и направился в ванную:

— Я пойду умоюсь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130284>